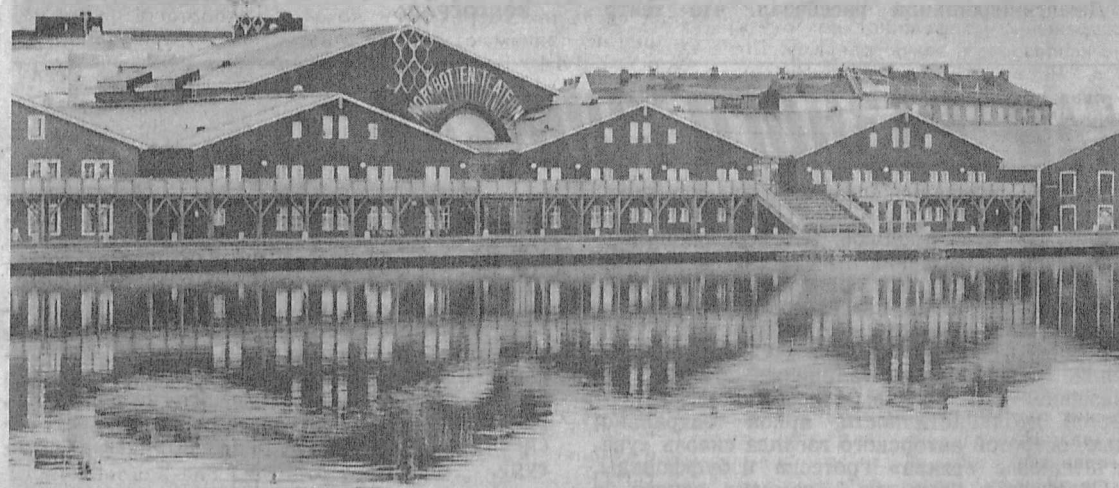

Бергман и другие

...Конечно же, не для встречи с советским журналистом вышли к старинному зданию шведского парламента весело улыбающиеся девушки с двумя огромными транспарантами: «Не дайте убить культуру!» и «Помогите театрам-студиям!». И вовсе не мне предназначалась желтая листовка, авторы которой требовали субсидий, звали о помощи артистам, готовым удивить мир своим искусством.

— Было бы неверно говорить о том, что театры-студии вовсе не получают поддержки, — Ани-Мари Энгер, директор Шведского национального центра Международного института театра, досконально знает, как обстоят дела с новыми театральными организмами, причем не только в Скандинавии, но и во всем мире, долгие годы она является секретарем комитета Нового театра МИТ, комитета, который старается помочь всевозможным театральным начинаниям. — Но, как и во всем мире, основные суммы дотаций идут тем театральным группам, которые зарекомендовали себя всерьез, доказали право на существование. Как, например, Орион театр, который пять лет назад начал работать в Стокгольме и за эти годы, бесспорно, стал одним из лидеров нового шведского театра.

«Путь в Дамаск» Августа Стриндберга, одну

из самых сложных драм выдающегося шведского писателя, поставил молодой режиссер Ларс Рудолфссон, художественный руководитель Орион театра. Казалось, он вполне обращается с художественной тканью огромной пьесы, сокращая ее вполне решительно, — спектакль идет меньше трех часов. Однако, в экспрессионистских видениях этой постановки сохранена не только суть замысла писателя, но и воссоздана стилистика его драматургии. Томас Роос, исполнитель главного героя, интеллигента, неудовлетворенного жизнью, но страшщегося революционных перемен, — актер-неврастеник, знакомый с основами психоанализа, поддерживает замысел режиссера: его видения, овеществленные конфликты его внутренней жизни свободно соединяются с подлинным течением бытия.

По сравнению с постановкой Орион театра «Долгое путешествие в ночь» Юджина О'Нила в режиссуре Ингмара Бергмана на сцене Королевского драматического театра графически аскетично. Сценография Гунилле Палмстерны-Вайс (вдовы Петера Вайса) не терпит ничего лишнего: безмолвие черного бархата, кажется, вот-вот поглотит игровую площадку, на которой лишь стол, два стула, кресло и домашний алтарь Девы Марии. Ярл Кулле, Биби Андерс-

сон, Томми Бергрэн, Петер Стормар и Кики Брамберг, составляющие безупречный ансамбль, пожалуй что, далеки от терпкой чувственности О'Нила — им ближе суховатая манера Ибсена или иступленно-рассудочный психологизм Стриндберга. Они воспринимают американскую драматургию через собственную театральную традицию, — от этого трагическая история вырождения семейства Тайронов кажется неумолимым следствием разрушительно-го действия «северного рока».

Исследование внутреннего мира человека, его сложнейших душевных конфликтов, трагедии одиночества человека в мире неизменно на протяжении десятилетий в центре внимания шведских драматургов. И остается сожалеть, что наши режиссеры оставляют без внимания не только произведения Ларса Нурена, Стафана Гете или Пера-Улофа Энквиста, но по существу и Августа Стриндберга. Микрокосм героев этих пьес по-своему отражает сложный мир общественной жизни страны, мир человеческих связей, мир, вовсе не укладывающийся в прямолинейно понятое социологические схемы отчуждения личности.

Это становится особенно понятно в шведской провинции, где театр стремится быть неотъемлемой частью коммунальной жизни. Разумеется, для Фольке Асплунда, директора Норрботтен театра, который находится в Лулео, в сотне километров от Полярного круга, важны эстетический поиск и художественный эксперимент, однако не менее, а то и более существен социальный эффект его работы, работы двадцати двух творческих сотрудников коллектива, музыкантов, всего технического состава театра. «Театр — общественная служба» — эти слова Жана Вилара здесь в Лулео вспоминают ежедневно. И стараются претворить их в своей деятельности. Такой подход продиктован вовсе не коммерческими соображениями. Когда я спросил Фольке Асплунда, зависят ли его планы от выручки за проданные билеты, он лишь добродушно улыбнулся в ответ: «От продажи билетов мы получаем меньше пятой части наших доходов, что-то около двух миллионов крон в год при бюджете в одиннадцать миллионов. Мы вовсе не рассматриваем свой театр как источник извлечения прибыли. Но уверен, что прибыль в экономике нашего региона была бы меньше, не будь у жителей севера Швеции своего театра». В Лулео живет меньше 70 тысяч человек. В округе, которую обслуживает Норрботтен, — менее трехсот тысяч жителей, хотя эта северная территория представляет собой примерно четвертую часть страны. Цель — сделать искусство доступным каждому жителю региона: от Лулео до самой маленькой деревушки. На стационаре — три сцены, но обычно одновременно идет до шести спектаклей сразу. Еще три группы непременно работают в других поселениях — в школах, домах культуры или в музеях.

Для жителей Лулео Норрботтен театр вбирает в себя все виды сценического искусства — это и тюз, и оперетта, и театр высокой трагедии, прибежище для любителей традиционного реализма и для тех, кто увлечен экспериментом... И место встреч в долгие зимние вечера. Место встреч, которое нельзя заменить другим.

М. ШВЫДКОЙ.

● Норрботтен театери.